

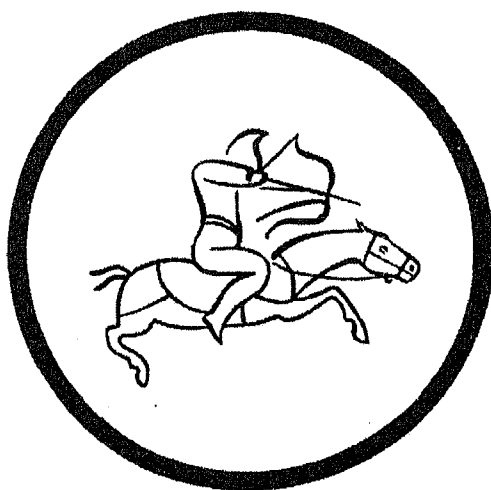
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 10

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ

**Сборник статей
к 70-летию П.Н.Старостина**

Казань 2009

ББК 63.4

Др 72

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 10

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *Д.Г.Бугров* (отв. редактор)
кандидат исторических наук *С.В.Кузьминых*
кандидат исторических наук *А.Г.Ситдиков*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.Р.Газимзянов*
кандидат исторических наук *Е.М.Черных*

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемяева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н.Старостина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 184 с.

Сборник, посвященный юбилею известного казанского археолога П.Н.Старостина, включает публикации материалов новых археологических памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа и раннего средневековья на территории Нижнего Прикамья и сопредельных регионов – Поволжья, бассейнов рр. Вятки и Белой, а также статьи, обобщающие результаты исследований предшествующих лет.

Книга предназначена для специалистов-археологов, историков, этнографов, музейных работников и краеведов.

ISBN 978-5-94981-147-4

© Институт истории АН РТ, 2009

А.А.Краснопёров

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЗАМЕТКИ К КОНСТАТАЦИИ ОТВЕТА

Почти 50 лет назад В.Ф.Генинг, анализируя в диссертации все известные к тому времени могильники, предложил свой вариант хронологии и периодизации пьяноборских древностей. В основе схемы лежала идея М.Г.Худякова об эволюции эполеотообразных застеек от одно- к многожгутовым (Худяков, 1929). Таблица была приведена в монографиях 1970-1971 гг. и более поздних работах, не претерпев изменений (Генинг, 1970. Рис.20; 1988. Рис.4). Предложенная схема – один из лидеров цитируемости в археологических исследованиях по раннему железному веку.

Первым, кто решился пересмотреть установившуюся точку зрения, был Б.Б.Агеев (Агеев, 1976; 1992; 1993). С одной стороны, Б.Б.Агеев пришел к новым выводам, в которых, однако, «лишь уточнены некоторые положения В.Ф.Генинга» (Голдина, 1999. С.209). С другой, обе периодизации, основанные, по существу, на анализе одних и тех же памятников, между собой не стыкуются. Б.Б.Агеев специально рассматривал находки фибул из Ново-Сасыкульского могильника, которые позволили ему сделать вывод о структуре могильника, времени и характере заполнения кладбища. Отдельно приведена типология бус, которая, однако, практически не учитывает разработок Е.М.Алексеевой. Но, почему-то, автор не использовал ни бусы, ни фибулы для общей хронологической таблицы.

В целом же, нельзя говорить о какой-либо кардинальной ревизии взглядов В.Ф.Генинга. Судя по многочисленным работам, предложенная им периодизация сохраняет свою актуальность и поныне.

Большинством авторов признается разделение пьяноборской культуры на два этапа, граница между которыми проходит по рубежу эр. Обращение к материалам конкретных памятников не подтверждает этого.

Корреляционная хронология позволяет выявить логику и последовательность взаимосвязи между группами вещей и погребений. Однако наиболее обоснованной выглядит хронология на основе привозных вещей, имеющих точные датировки. Данная задача облегчается многочисленностью находок фибул и бус в пьяноборско-

мазунинских могильниках*. Для работы отобраны погребения содержащие фибулы неместного производства, типология и датировка которых обоснована А.К.Амброзом (1966) и А.С.Скрипкиным (1977; 1984; 1990). Чрезвычайно многочисленны одноцветные стеклянные и пастовые бусы и бисер, но их обилие и широкий хронологический диапазон только затрудняют работу. Поэтому среди бус интерес представляют различные скульптурные и орнаментированные бусы, которые сразу же бросаются в глаза в любой коллекции, что облегчает их выявление. Типология и хронология их подробно разработана Е.М.Алексеевой (Алексеева, 1975; 1978; 1982).

Нижняя дата пьяноборской культуры. Традиционная нижняя дата пьяноборской культуры – III в. до н.э. (Генинг, 1970; 1971; Голдина, 1999) – основывается на происхождении эполеотообразных застеек от ананьинских поясных крючков и на сарматских параллелях: устоявшейся точке зрения о замене бронзовых наконечников стрел железными на рубеже III-II вв. до н.э. и датировке застеек с неподвижным крючком. По мнению большинства исследователей, бронзовые наконечники стрел полностью заменяются железными во II в. до н.э. (Хазанов, 1971. С.36). Но, как верно полагал В.А.Иванов (1985. С.95) и убедительно доказал Б.Б.Агеев (1992. С.74), колчаные наборы в Прикамье запаздывают и не могут служить надежным хроноиндикатором. То же наблюдается и в других регионах (Гей, 1986. С.73). По мнению того же В.А.Иванова, соотношение количества застеек с неподвижным крючком в сарматских и прикамских памятниках не позволяет рассматривать сармат как источник их поступления к пьяноборцам и карабызцам (Иванов, 1980. С.81).

Для установления нижней даты пьяноборской археологической культуры важны находки бус. Из общего массива легко выделяются глазча-

* Хочется выразить искреннюю благодарность всем исследователям, позволившим изучить материалы их полевых изысканий, зачастую неопубликованных, особенно Б.Б.Агееву, Р.Д.Голдиной, Г.Н.Журавлевой, А.Х.Пшеничнюку, Н.Л.Решетникову, П.Н.Старостину, А.Н.Султановой, Т.К.Ютиной.

тые бусы, к сожалению, датированные достаточно широко – IV–II вв. до н.э.

Значительным своеобразием и более узкой датой отличаются бусы-подвески, фигурирующие в публикациях как «бусы в виде стилизованных сосудов», «каплевидные», «кеглевидные», «антропоморфные» (рис.1). Е.М.Алексеева выделяет их в тип 193 (вариант г?) и датирует II–I вв. до н.э. (Алексеева, 1975. Рис.18, 4; 1978. С.74, рис.34, 39). Такие же бусы найдены в погребениях Биктимировского могильника (Пшеничник, 1964. С.223, рис.5, 35; 1973. С.174, 179, рис. 6, 41; 10), в Старых Кийшках, Ленинске, Ново-Никольском, Башкирских стойлах, Алебастровой горе (Мошкова, 1963. С.45, 52, табл.31, 30–39), Мечетсае (Смирнов, 1975. Рис.31, А, 6, 10; Б, 1, 2), Кульчукском кургане в Крыму (Дашевская, Голенцов, 1982. С.94–95, рис.3, 5), Танайсе (Арсеньева, 1977. С.21–22, табл.XLVI; Алексеева, 1975. Рис.18, 4), Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Тузле, Горгии (Алексеева, 1978. С.74). Датировка та же.

Нижняя граница бытования таких бус исключает возможность двойственной (ананьино? пьяноборье?) трактовки, чего нельзя сказать о глазчатых бусах. Нахождение в погребениях 28 и 31 Икского могильника совместно с S-видными височными подвесками позволяет продлить и время бытования последних на II в. до н.э.

Из этого получается первое следствие: *убедительно датированных комплексов III в. до н.э. в пьяноборье нет.*

Верхняя дата пьяноборской культуры. Практически на всех могильниках обнаружены привозные вещи, прежде всего, бусы, в том числе из египетского фаянса, а также фибулы. Вследствие обнаружения таких украшений, данные памятники нужно относить ко времени после рубежа эр. Датировки, предлагаемые археологами, исследовавшими эти могильники, нельзя признать удовлетворительными. Большинство датировок основано на предположении В.Ф.Генинга об эволюционном ряде эполетообразных застежек. По его мнению, застежки с одним жгутом – самые архаичные и относятся к стадии А, датируемой III–II вв. до н.э. (Генинг, 1970. Рис.20). На Кушулевском III могильнике (погр.180) эполетообразная застежка с одним жгутом найдена вместе с диагональнополосатой бочонковидной бусиной, Е.М.Алексеевой такие бусы (тип 249) датируются I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С.47). Эполетообразная застежка с одним основным и двумя дополнительными жгутами происходит из комплекса (Сасыкуль, погр.100), содержащего бусы в виде виноградной грозди бирюзового цвета и округлую зеленую бусину с темно-синей орнаментальной полосой с желто-красными четырехлистниками.

По Е.М.Алексеевой бусы в виде грозди (тип 76а) датируются концом I – III в. н.э. и преобладают в I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.45–46), бусы с орнаментальной полосой (типы 404–406) – I–III вв. н.э. (Алексеева, 1982. С.38). Еще одна застежка с подтреугольной задней бляхой и одним жгутом происходит из погребения 19 Старочекмакского могильника, датирующие вещи в этом комплексе – бусы-подвески в виде полосатого треугольника и стрелки. По Е.М.Алексеевой первые (тип 184) датируются эпохой позднего эллинизма (Алексеева, 1978. С.42–43), вторые (тип 197) – I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С.43–44). Вследствие изначального посылки часть памятников датирована слишком широко, часть – неоправданно удревнена.

Бусы в виде лежащего льва, скараabei, грозди, «бинокли», гениталии, алтарики, «кукиши», амфоры, ребристые бочонковидные из египетской пасты, треугольные и стрелковидные подвески, бочонковидные с полосатым и волнистым и сложным орнаментом из стекла, крупные бусы из халцедона распространены широко. Они найдены на памятниках Татарстана (Деуково, Старый Чекмак), Башкирии (Сасыкуль, Камышлытамак, Кушулево II и III, Урманево), Удмуртии (Тарасово, Афонино, Чеганда II, Ныргында I и II).

Бусы из египетской пасты в виде жука-скараabei (рис.2) Е.М.Алексеева разделяет на несколько типов по направлению канала и цвету, дополнительно выделены варианты по сложности оформления тела жука. В пьяноборских комплексах найдены скараabei только бирюзового и синего (в одном случае) цветов. Бирюзовые с продольным каналом относятся к типу 50, вариант б датируется I – началом II в. н.э., вариант в – I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.41–43). Найдены в комплексах с височными подвесками со спиральновитой и литой конической трубицей и бляшкой с планкой на обороте (Чеганда, погр.62); с височными подвесками со спиральновитой трубицей, двойной узкой листовидной и восьмерковидной, другими бусами и овальной застежкой с неподвижным крючком (Сасыкуль, погр.81); бляшками выпуклыми с планкой и плоскими с ушком на обороте, застежкой (Афонино, погр.131). Единственный скараabei темно-синего цвета с продольным каналом относится к типу 52, варианту б и датируется I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.43). Найден в комплексе с пластинчатыми обувными накладками с вогнутыми длинными сторонами, шейными подвесками, бляшками выпуклыми с планкой на обороте и плоскими, бронзовым браслетом в полтора оборота, височными подвесками с гофрированной трубицей, другими бусами (Тарасово, погр.661).

Бусы из египетской пасты в виде фигурки льва (рис.2) в пьяноборских могильниках найдены бирюзового и темно-синего цветов с продольным каналом. Львы бирюзового цвета относятся к типу 68, варианту б и датируются I-II вв.н.э. (Алексеева, 1975. С.44-45). Три такие фигурки найдены в погребении 23 могильника Чеганда II вместе с бляшкой с планкой на обороте и пронизкой-бусиной. Лев темно-синего цвета (тип 69) датируется римским временем (Алексеева, 1975. С.45); найден в погребении 81 Сасыкульского могильника. Двухцветная фигурка лежащего льва происходит из комплекса погребения 121 Афониного могильника вместе с гофрированными височными подвесками и бляшками с планкой на обороте. Фигурка льва неизвестного цвета найдена вместе с разнообразными шейными, бронзовыми рублеными подвесками, скульгамой, застежками с неподвижным крючком, перстнем, составной концевой пронизкой, бляшкой с двумя отверстиями, височными подвесками с короткой и длинной витой, литой и узкой листовидной трубицами (Сасыкуль, погр.214). В погребении 661 Тарасовского могильника бусина найдена вместе с гофрированной височной подвеской, шейной подвеской, браслетом в полтора оборота, застежкой с неподвижным крючком. Фрагмент еще одной фигурки льва найден в погребении 125 могильника Ныргында II в комплексе с ажурными накладками, пронизками-обоймами, треугольными подвесками, фрагментом кокошника и височной подвеской со спиральновитой трубицей и напускной бусиной. Цвет фигурки неизвестен, основание, возможно, овальное.

Бусы из египетской пасты в виде амфоры (рис.2) в пьяноборских древностях представлены только экземплярами бирюзового цвета – тип 81, датируется очень широко: I в. до н.э. – III в. н.э. (Алексеева, 1975. С.46). Найдены в комплексах с узкими листовидными височными подвесками, пронизкой, бляшкой с неполной имитацией витя, другими бусами (Сасыкуль, погр.83); с плоскими и выпуклыми с задней планкой бляшками, кольцевыми пронизками, бронзовой двусоставной круглой в сечении пряжкой, трапециевидными подвесками и ажурными накладками (Афонино, погр.153); бронзовой круглодротовой гривной с колбочкой и крючком, бронзовым браслетом в полтора оборота, узкой листовидной височной подвеской, плоской с ушком и выпуклой с планкой бляшками, семижгутовой эполетообразной застежкой, бочонковидной бусиной с орнаментом из диагональных полос (Сасыкуль, погр.228).

Бусы из египетской пасты в виде лягушки бирюзового цвета (рис.5) – тип 57, вариант б (Алек-

сеева, 1975. С.43), датируются I в. н.э., найдены в погребении 81 Сасыкульского могильника.

Округлые ребристо-желобчатые бусы (рис.3). В погребении 81 Сасыкульского могильника найдены бусы желто-зеленого (тип 15, варианты а, б), бирюзового (тип 16, варианты а, б, в) и мутно-белого цветов. Тип 15 датируется Е.М.Алексеевой I – первой половиной II в. н.э., тип 16 – II в. до н.э. – II в. н.э. и преобладает в комплексах I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.33-34). Бирюзовые ребристо-желобчатые бусы найдены также с узкими листовидными височными подвесками, жгутом от эполетообразной застежки (Сасыкуль, погр.146); с двусоставной бронзовой пряжкой и фибулой с кнопкой на конце пластинчатого приемника (Ныргында II, погр.15). Они же найдены вместе с височной подвеской мазунинского типа, трапециевидной подвеской (Тарасово, погр.11, 97), бронзовой пряжкой и железной гривной (Тарасово, погр.676), гофрированной височной подвеской и бляхой с умбоном (Тарасово, погр.1166), гофрированной височной подвеской и железной пряжкой (Тарасово, погр.1492).

Четырнадцатигранные бусы (рис.5) представлены единственным экземпляром из светло-зеленого стекла, найденным в погребении 81 Сасыкульского могильника – тип 132, наиболее характерный для II в. н.э. (Алексеева, 1978. С.70).

Бусы в виде гениталий бирюзового цвета (рис. 5) – тип 90, относятся к концу I в. до н.э. – II в. н.э., преобладают в погребениях I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.47). Такая бусина найдена в погребении 83 Сасыкульского могильника.

Бусы из египетского фаянса в виде спаренных полуцилиндров или «бинокля» (рис.2). Фиолетового цвета – тип 84, датируются концом I в. до н.э. – II в. н.э.; бирюзового цвета – тип 86, датируются концом I в. до н.э. – III в. н.э., преобладают в I-II вв. н.э. (Алексеева, 1975. С.47). Оба типа найдены в погребении 165 Сасыкульского могильника в комплексе с узкими листовидными височными подвесками, пряслицем, железной двусоставной пряжкой прямоугольного сечения. Фиолетовая бусина обнаружена в погребении 130 Сасыкульского могильника вместе с концевой пронизкой, ажурной скульгамой, височной подвеской с литой конической трубицей и костяной пряжкой.

Удлиненные веретеновидные бусы, спаянные из разноцветного стекла (рис.3) – тип 290, вероятно, датируются I в. до н.э. – I в. н.э. (Алексеева, 1978. С.50). Найдены вместе с петлевидными височными подвесками, височной подвеской с витой трубицей, бляхами из зеркала с шестилепестковой розеткой, амулетами из просвер-

ленных клыков (Кушулево II, погр.10); с гофрированной височной подвеской, ножнами пьяноборского типа, сапожковой и спаренной полуцилиндрической пронизками, лапчатой подвеской, «колокольчиком», застежкой с неподвижным крючком (Тарасово, погр.1010).

Бусина из египетского фаянса в виде кукиша бирюзового цвета (рис.3) – тип 89, датируется концом I в. до н.э. – II в. н.э., преобладает в I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.47) – найдена вместе с выпуклой бляшкой с планкой на обороте, плоской бляшкой с ушком, сапожковой пронизкой, крупной бляхой из зеркала, пронизкой-бусиной, височной подвеской с гофрированной трубицей (Нырғында II, погр.107).

Бочонковидные бусы с орнаментом из чередующихся полос (рис.4) – тип 249, зарождаются в конце I в. до н.э., распространяются в I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С.47). Найдены в комплексах с круглой застежкой с неподвижным крючком (Сасыкуль, погр.195, Камышлытамак, погр.10); со спиральновитой и широкой листовидной височными подвесками, двумя бронзовыми выпуклыми бляшками, железным трехперым наконечником стрелы, прямоугольными накладками (широкой и узкой длинной), эполетообразной застежкой с одним железным жгутом, бляхой из зеркала (Кушулево III, погр.180); с прямоугольными накладками, спиральновитыми височными подвесками, бляхами, перстнем (Кушулево III, погр.39); с ажурной накладкой, гребенчатой накладкой, застежкой с неподвижным крючком, пронизкой, прямоугольной накладкой, височными подвесками с витой трубицей и с двумя петлями на концах (Кушулево III, погр.67); с височными подвесками с литой и витой трубицей (Камышлытамак, погр.11, Тарасово, погр.1243); с бляшкой с ушком, сдвоенной накладкой, витой и литой височными подвесками, бронзовой пластинчатой пряжкой (Камышлытамак, погр.72); с витой и литыми с напускными бусами височными подвесками, ромбической накладкой (Камышлытамак, погр.18); с литой височной подвеской и пронизками (Камышлытамак, погр.75); с витыми и широкими листовидными височными подвесками, бляшками с планкой на обороте (Кушулево III, погр.41); с широкой листовидной и 8-видной височными подвесками, бляшками с планкой на обороте, крупной застежкой (Чеганда II, погр.89); с витой височной подвеской, сапожковой и спаренной пронизками, застежкой-бляхой (Тарасово, погр.1049); с гофрированной височной подвеской и многорядным браслетом (Тарасово, погр.1099); с гофрированной височной подвеской, многорядным браслетом и ножнами (Тарасово, погр.1389); с витой височной подвеской

(Тарасово, погр.1435); с витой подвеской и ажурными накладками (Юлдашево, погр.64).

Бусы из египетского фаянса в виде виноградной грозди бирюзового цвета (рис.2) – тип 76, вариант а, датируются концом I в. до н.э. – III в. н.э., преобладают в I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.45-46). Найдены в комплексе с пронизкой, маленькой бляшкой с планкой на обороте, эполетообразной застежкой с основным и двумя дополнительными жгутами (Сасыкуль, погр.100). В том же погребении найдена округлая буса из глухого зеленого стекла с темно-синей орнаментальной полосой, украшенной желтыми четырехлистниками с красными прожилками. Абсолютных аналогий этой бусине нет; подобные, но другой расцветки определяются Е.М.Алексеевой как типы 404-406 (Алексеева, 1982. С.38) и датируются I–III вв. н.э.

Треугольные подвески, спаянные из разноцветного стекла (рис.3) – тип 184, данных для датировки, по мнению Е.М.Алексеевой, недостаточно, могут относиться к позднему эллинизму (рубеж эр) (Алексеева, 1978. С.42-43). Другая разновидность таких подвесок – тип 193 – датируется I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1978. С.43). Найдены вместе с бронзовым браслетом в полтора оборота, плоской бляшкой с отверстием, спиральной пронизкой, раковиной каури (Ст.Чекмак, погр.31); с височными подвесками с литой, узкой листовидной и конической трубицей, одножгутовой эполетообразной застежкой с подтреугольной задней пластиной, круглой железной застежкой ромбического сечения с неподвижным крючком (Ст.Чекмак, погр.19); со спиральновитой и петлевидной височными подвесками, плоской бляшкой с отверстием, раковиной каури, костяным трехгранным наконечником стрелы, выпуклой бляхой с полукруглыми по краю (Кушулево III, погр.225); со спиральновитой височной подвеской (Кушулево III, погр.132).

Стрелковидные подвески (рис.5) – тип 197, датируются I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1978. С.43-44). Найдены в упомянутом погребении 19 могильника Старый Чекмак и в комплексе с ажурными бляхой, ромбической и гребенчатой накладками, сечковидной подвеской, бляшкой с одним ушком, перстнем и железным многорядным браслетом (Ст. Чекмак, погр.42).

Бусы с шахматной орнаментацией (рис.3) – типы 434, 437, датируются I–II вв. н.э. (Алексеева, 1982. С.39-40). Найдены вместе с височными подвесками с литой трубицей, ажурной гребенчатой накладкой, бляшкой с планкой на обороте (Чеганда II, погр.73); с височной подвеской с гофрированной трубицей, кокошником (Чеганда II, погр.28). В этом же погребении най-

дена бусина с поперечно-волнистым орнаментом; полной аналогии Е.М.Алексеева не приводит (Алексеева, 1978. С.51). Бусы с таким орнаментом датируются IV, II-III, II-IV, IV вв. н.э., I в. до н.э. – III в. н.э.; усредненной датой можно признать II-IV вв. н.э.

В погребении 73 Ныргындинского II могильника найдена бусина с орнаментальной полосой, полная аналогия которой неизвестна (рис.2). Е.М.Алексеева бусы с орнаментальной полосой выделяет в типы 413-415, 428 и датирует их I в. н.э., I в. до н.э. – I в. н.э., концом I в. до н.э. – II в. н.э., I-II вв. н.э. Наиболее вероятной следует признать дату I в. н.э. Бусина найдена в комплексе с широкой листовидной и гофрированной височными подвесками, арочной подвеской, скульгамой, фрагментами нагрудника из бляшек и пронзкок-обойм.

В погребении 15 могильника Чеганда II найдены различные типы бус. Интерес представляют коричневая бусина с хаотично расположенными глазками голубого, красного, зеленого, желтого и синего цветов. Подобные бусы Е.М.Алексеева относит к типу 13 и датирует I-IV вв. н.э. (Алексеева, 1975. С.57-58). Там же найдена крупная бусина синего цвета с глазками из отрезков белой трубочки, соответствующая типу 103 и датируемая I в. н.э., доживая до II в. н.э. В комплекс погребения также входят витые и гофрированные височные подвески, счетверенная накладка, бляшка с планкой на обороте, пронизка-бусина, трапецевидная и шейные подвески.

Бусина из египетского фаянса в виде алтарика (рис.2), бирюзового цвета – тип 93, вариант формы а датируется I в. н.э. (Алексеева, 1975. С.48) найдена в комплексе с бронзовой круглодротовой гривной с круглыми концами, широкой листовидной, витой и гофрированной височными подвесками, спиральновитыми шейными пронизками, костяным трехгранным наконечником стрелы, ажурной бляшкой, бляхой из зеркала, железными двусоставными пряжками круглого и прямоугольного сечения (Чеганда II, погр.142).

Стеклянные бусы типа 23 (Алексеева, 1978. С.65) – бочковидные из янтарно-желтого стекла с закраинами (рис.3), дата – вторая половина I – III вв. н.э. – найдены с литой и витой височными подвесками (Юлдашево, погр.17), с ножнами и бляхой (Тарасово, погр.608), с бляхами, зеркалами и височной подвеской (Тарасово, погр.1115).

Халцедоновые бусы (рис.2) – типы 3, 4, округлые пропорциональные поперечно сжатые (Алексеева, 1982. С.11-12). Все халцедоновые поделки датируются в пределах I-III вв. н.э., наиболее характерны для I-II вв. н.э. В погребении

110 Ныргындинского II могильника (видимо, самая ранняя находка) халцедоновая бусина найдена с бляхой из зеркала, застежкой-бляхой, бляшками выпуклыми с планкой и плоскими двумя ушками на обороте, ажурными бляхами и накладками, спаренной бляшкой и бронзовым браслетом.

Список бус, разумеется, неполный. Хорошими датирующими свойствами обладают глазчатые бусы, но именно эту категорию практически невозможно использовать. В большинстве публикаций даются черно-белые иллюстрации бус, а в тексте отсутствуют ссылки на типы или описание цветовой гаммы.

В погребениях пьяноборского времени отмечено значительное количество находок привозных фибул или подражаний им. Это лучковые подвязные, сложнопрофилированные с бусиной, фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника, типа «Авцисса» и другие (рис.6). Они встречены в могилах Сасыкульского, Тарасовского, Ныргындинских, Чегандинского II и др. могильников. Со времени выхода в свет работы А.К.Амброза прошло значительное время, многие авторы указывали на определенные недостатки свода, однако большинство исследователей отмечает, что принципы классификации разработаны А.К.Амброзом детально. Кроме того, с 1966 г. накоплен значительный новый материал. Для фибул из пьяноборских памятников наиболее подходит классификация, предложенная А.С.Скрипкиным для сарматских погребений Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1977; 1984). В работе использована его типология с небольшими дополнениями.

Группа 1. Лучковые фибулы с подвязным приемником.

Тип 1. Одночленные.

Вариант 2. Прокованная ножка по ширине несколько шире спинки (Скрипкин, 1977. С.102; 1984. С.31). Дата для памятников Нижнего Поволжья – вторая половина I – начало II вв. н.э. (Скрипкин, 1977. С.106-107; 1984. С.43) (Сасыкуль, погр.164).

Вариант 4. Спинка с прогибом, но не нависает над пружиной. Ножка расплюсчена, значительная часть спинки покрыта обмоткой (Скрипкин, 1977. С.102; 1984. С.31). Начинают распространяться во второй половине II в. н.э., в конце века иногда встречаются вместе с фибулами 5 варианта (Скрипкин, 1977. С.107; 1984. С.44) (Сасыкуль, погр.139).

А.К.Амброз все варианты относит к группе 15, серии 1, варианту 3 – с плоской, широкой ножкой и высокой дужкой – и датирует II в. н.э., вероятно первой половиной – серединой века (Амброз, 1966. С.49-50).

Группа 2. Сильнопрофилированные фибулы.

Тип 1. Фибула с крючком для тетивы.

Вариант 2. Спинка длинная, превосходящая расстояние от задней бусины до кнопки приемника, приемник начинается сразу за задней бусиной (Скрипкин, 1984. С.32).

Можно выделить три подварианта, однако, существенного значения они не имеют:

Подвариант а. Спинка тонкая (Чеганда II, погр.38).

Подвариант б. Спинка пластинчатая (Сасыкуль, погр.309).

Подвариант в. Спинка круглая (Нырғында I, погр.211). Появляются не ранее рубежа I-II вв. н.э., в основной массе распространены в Поволжье в середине II в. н.э., к концу века поступление в регион сильно сокращается (Скрипкин, 1977. С.113; 1984. С.44).

Сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов отнесены А.К.Амброзом к группе 11, по форме спинки выделяются два подварианта: а) с узкой и б) с пластинчатой. Фибулы с приемником начинающимся сразу за задней бусиной выделены в вариант 2, подвариант а с узкой спинкой датируется второй половиной I в. Вариант 3 — с пластинчатой спинкой — датируется II началом III вв. н.э. (Амброз, 1966. С.40-41).

Группа 3. Фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника.

Тип 1. Спинка плоская.

Вариант 1. Фибулы с мягко изогнутой спинкой (Скрипкин, 1984. С.32). В общих чертах могут датироваться III в. н.э. (Скрипкин, 1977. С.115; 1984. С.44).

Соответствует группе 13 по А.К.Амброзу, типы 2 — с S-видным завитком, дата — вторая половина I — начало II в. (Сасыкуль, погр.75) и 7 — крупная, с мягко изогнутой спинкой, дата — вторая половина II — III в. (Нырғында II, погр.79) (Амброз, 1966. С.45-46).

Фибулы с кнопкой на конце пластинчатого приемника в Нижнем Поволжье единичны.

Тип 1. С гладким, слегка выпуклым корпусом, расширяющимся в середине (Сасыкуль, погр.13, 224; Нырғында II, погр.15, 76).

Тип 2. С гладким, плоским корпусом равномерной ширины, зачастую орнаментированным (Сасыкуль, погр.144, 253, 281). Такие фибулы А.С.Скрипкин датирует I-II вв. н.э. (Скрипкин, 1977. С.116).

А.К.Амброз отнес такие фибулы к группе 12: тип 3 — небольшие со слабовыраженной кнопкой, вариант а — с плоской спинкой, вариант б — с выпуклой спинкой, дата — конец I — первая половина II в.; тип 4 — крупные с едва намеченной кнопкой, дата — II-III вв. н.э. (Амброз, 1966. С.43-44).

Самостоятельной группы по А.С.Скрипкину не представляют фибулы типа «Авцисса» (Сасыкуль, погр.10, 43), датируемые первой половиной I в. н.э.

А.К.Амброз относит их к группе 5, варианты выделены по форме спинки (изгиб смещен вверх, изгиб равномерный), подварианты — по форме головки (с валиком, с кнопкой), дата — первая половина I в. (Амброз, 1966. С.26-27).

В погребениях присутствуют еще две категории предметов, имеющие надежно датированные аналогии — оружие и зеркала.

В пьяноборской среде зеркала в целом виде использовались в качестве нагрудных или поясных украшений, из них же вырезались бляхи, подвески, застежки. Согласно типологии А.С.Скрипкина (1990. С.142-156, рис.33), дополненной А.А.Глуховым (2003), найденные в Прикамье зеркала относятся к типам 1.0, 1.01, 1.6 и 6.10.1.

Тип 1.0 распространен территориально и хронологически чрезвычайно широко, преобладает в конце I — первой половине I в. н.э. (Глухов, 2003. С.90-91). Зеркала типа 6.10.1 датируются на Дону в пределах I — начала II в. н.э., ни в коем случае не ранее рубежа эр. Для I в. н.э. характерны типы 1.01, 1.6, заходящие и в начало II в. н.э. (Скрипкин, 1990. С.153). Хорошо фиксируются (даже во вторичных изделиях) орнаментированные зеркала с концентрическими окружностями и шестилепестковой розеткой (тип 1, варианты 2, 4, 6). Б.А.Литвинский отмечает, что такие зеркала встречены в погребениях I в. до н.э. — I в. н.э., но в двух погребениях в Австрии они происходят из могил середины I тыс. н.э. То же касается и зеркал с кружковым орнаментом, но, вероятно, большая их часть относится ко II-III вв. н.э. (Литвинский, 1978. С.87-88).

В Прикамье зеркала типа 6.10.1 найдены, вероятно, только в двух комплексах (Камышлытамак, погр.96; Нырғында II, погр.203). В погребении 96 Камышлытамакского могильника с зеркалом найдены височные подвески с литым и витым стержнем, ажурные подвески, прямоугольные и восьмерковидные поясные накладки. В погребении 203 могильника Нырғында II в качестве сопровождающего инвентаря присутствуют витая и гофрированные височные подвески, плоская бляшка с двумя ушками, выпуклая бляшка, трапезиевидная подвеска, плоская нагрудная бляха, ажурные накладки, эполетообразная застежка с семью жгутами, полупронизки, восьмерковидные накладки.

В редких случаях встречаются зеркала с парой отверстий у края (тип 1.01). В погребении 1115 Тарасовского могильника такое зеркало

переделано в застёжку. Из того же погребения происходят бляшки различных типов, височная подвеска и бусы типа 23 (Алексеева, 1978. С.65) – бочковидные из янтарно-желтого стекла сakraинами. Дата комплекса – вторая половина I – III вв. н.э.

Трудность привлечения зеркал для датировок прикамских комплексов обусловлена несколькими факторами: использование в качестве украшений, в основном, фрагментов зеркал, что затрудняет определение типа; широкие хронологические диапазоны (в Прикамье поступали, главным образом, наиболее распространенные и массовые типы); отсутствие узких дат у орнаментированных экземпляров.

Заслуживает пристального внимания наблюдение Б.А.Литвинского, отмечавшего, что привозные зеркала (то есть все, найденные на территории Прикамья) бытуют в течение еще одного-двух столетий после прекращения их поступления; то же касается и фрагментов, превращенных в украшения (то есть всех прикамских трапециевидных подвесок и части круглых бляшек) (Литвинский, 1978. С.104).

На мой взгляд, раннюю дату большинства привозных вещей (до н.э.) надо исключить. Это оправдывается тремя элементарными причинами:

1. Любая вещь в момент появления пользуется спросом на месте производства и на экспорт идет только после насыщения внутреннего рынка (= прохождения моды).

2. Несмотря на развитые торговые контакты между Прикамьем и центрами производства рассматриваемых предметов (Причерноморьем), на данный момент нет оснований считать Прикамье основным рынком сбыта и областью «прямых поставок». Вероятнее, что предметы «импорта» поступали путем нескольких торговых-обменных операций на региональных рынках. В качестве основных «ярмарочных» центров можно назвать Подонье, Среднее Поволжье, Нижнюю Каму (устье). Возможен и второй путь – через башкирские степи и вниз по Ику и Белой. Об этом свидетельствует картография находок фибул и скульптурных бус, большинство которых происходит с памятников верховьев Ика (Сасыкульский могильник).

3. Третье обстоятельство запаздывания – само время бытования вещи в культуре. Вслед за P. Medgyesi (Гавритухин, 2001. С.46), можно полагать, что время использования вещи укладывается в пределы одного поколения (30 лет). Однако, на деле этот период, вероятно, был несколько больше.

Во-первых, мы имеем яркие примеры сочетания в одном погребении вещей различных эпох. В жертвенных комплексах мазунинского

времени иногда находятся вещи пьяноборской культуры (Нива, погр.45; Покровка, погр.135, 258; Старо-Кабаново, погр.43; Усть-Сарапул, погр.45; Ангасяк, погр.4, 5, 49; Тураево, погр.39, 178; Старая Мушта, к.10, погр.6; к.15, погр.2 и др.). Жертвенный комплекс, сочетая в себе личные и дареные вещи, может в указанных случаях являться чем-то вроде шкатулки с фамильными драгоценностями.

Во-вторых, за исключением единичных спорных случаев, в пьяноборских погребениях мне не известно ни одной образцовой, «авторской» комбинации бус (ожерелье, задуманное и созданное мастером). Ближе всего к такой «авторской» композиции стоят находки ожерелий в погребениях 28 Икского, 81 Сасыкульского, 16 и 19 Старочекмакского могильников. Складывается впечатление, что бусы поступали в Прикамье уже отдельными экземплярами, и позволить их себе мог не каждый. Помимо этого, за время использования часть бус терялась и заменялась другими*. Косвенно отсутствие «авторских» ожерелий свидетельствует и о второй причине запаздывания.

Ввиду вышеизложенных причин необходимо корректировать раннюю дату распространения вещей не менее чем на 30-50 лет. Фактически, это исключает I в. до н.э. из датировок вещей в пьяноборских комплексах.

Как видно из таблиц (рис.1-6), большинство вещей, определяющих своеобразие и облик пьяноборской археологической культуры («имиджевые вещи культуры») – ажурные накладки, «шейные» подвески, полупроизки, поясные накладки, височные подвески), встречены в достаточно хорошо датированных комплексах. И датируются они временем после рубежа эр. Таким образом, из исходной схемы В.Ф.Генинга выпадает практически вся нижняя часть.

Из этого следует второе следствие: до нашей эры убедительно датируются лишь три(!) погребения Икского могильника. *Ранних комплексов II-I вв. до н.э. нет.* И разрыв между ананьинскими и пьяноборскими памятниками получается еще более значительным, чем представлялось В.А.Иванову (Стаматина, 2004. С.24).

Отсутствие четко датированных памятников переходного от ананьинского к пьяноборскому времени, пьяноборских погребений III в. до н.э., погребений второй половины II-I вв. до н.э. в значительной мере согласуется с проблемой hiatus III в. до н.э. в сарматских памятниках. Точки зрения на его причину, в целом, сводятся

* До сих пор исследователей не привлекал вопрос хронологической интерпретации состава сборных ожерелий из погребений.

к двум: 1) памятников просто нет; и 2) памятники не выделяются (Глебов, 2005. С.34). Первому предположению в Прикамье противоречат многочисленные поселения, на которых ананьинские слои перекрываются пьяноборскими без свидетельств значительных катаклизмов (за исключением обновления оборонительных сооружений).

Относительно второго, вероятно, прав А.С.Скрипкин (ссылающийся на А.П.Матвеева), что нестабильность в степи в III в. до н.э. (аридизация, падение Ахеменидов после битвы при Гавгамелах в 331 г. до н.э., походы Александра на Восток в 330-327 гг. до н.э., войны за его наследство и образование Парфянского царства) привела к нарушению устойчивых экономических связей, что на археологическом уровне отражается в потере надежных обоснований для узких датировок по привозным вещам (Мошкова, 2000. С.338-339; Скрипкин, 2000. С.245-246; Глебов, 2005. С.42).

Выводы. Обращаясь еще раз к схеме В.Ф.Генинга, можно сделать следующее заключение: большинство типов височных подвесок имеет надежные даты после рубежа эр. Исключение составляют подвески с лировидной привеской, происходящие из погребений Деуковского II и Чегандинского II могильников. Недостаточно оснований для датировки застежек с неподвижным крючком временем до н.э. Большинство типов представлено единичными экземплярами, однако присутствуют практически все варианты формы. По-видимому, ко времени после рубежа эр относятся абсолютно все типы ажурных накладок. Поясные наборы, украшенные 8-видными, прямоугольными и ромбическими накладками датируются I-II вв. н.э., что, кстати, делает их одними из самых ранних «организованных» поясных наборов на территории Евразии. Вполне возможно, что хронологическое значение при датировании эполеобразных застежек имеют не только и не столько количество жгутов, сколько форма бляхи. Различия в количестве жгутов отмечается только в застежках «традиционной» формы. Застежки же «нетрадиционной» формы – треугольные, зооморфные – исключительно маложгутовые. Однако и приведенные данные не дают однозначной возможности использовать эполеобразные застежки для датировок. В.Ф.Генингом верно отмечена тенденция к уменьшению «витковости» браслетов, но многovitковые (до 7 витков) вполне убедительно датируются нашей эрой.

Вероятно, и финальную дату пьяноборской культуры следует относить не ко II, а к III в. н.э. Именно в середине III в. н.э. в степях происходили значительные изменения, отразившиеся, в

том числе, на облике материальной культуры Прикамья.

В целом же, несмотря на кажущуюся простоту, вопрос хронологии пьяноборья-мазунина далек от решения. Значительный интерес представляют работы Б.Б.Агеева и В.А.Иванова. В публикациях и рукописных заметках Б.Б.Агеева представлена блестящая доказательная база большинства хронологических неувязок пьяноборской культуры, но не сделаны выводы. В работах В.А.Иванова, наоборот, сделаны все важные выводы, но практически полностью опущены доказательства.

Приведенные в работе материалы не предлагают законченного решения вопроса – решение уже дано В.А.Ивановым. Это – набор наиболее ярких фактов, которые заставляют пересмотреть часть традиционных представлений. Среди насущных проблем можно отметить:

1) необходимость более подробной хронологии бусинных комплексов и внутренней хронологии состава ожерелий;

2) типология и хронология оружия, в том числе состава колчаных наборов;

3) выявление всех комплексов, содержащих надежные хроноиндикаторы (привозные фибулы, малочисленные категории бус, орнаментированные зеркала – значение более распространенных типов обесценивается именно их многочисленностью);

4) синхронизация пьяноборских (в восточном и западном ареалах), кара-абызских, мазунинских, азелинских древностей;

5) обоснование крайних дат мазунинской культуры и ее соотношения с АЭК средневековья.

Список литературы

Агеев Б.Б. К хронологии могильника Чеганда II // СА. 1976. №3. С.58-67.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Агеев Б.Б. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: 1993.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушуплевский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа, 1986.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М., 1975.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М., 1978.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М., 1982.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып.Д1-30. М., 1966.

логические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

Стаматина О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2004.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. Казань, 1977 / НОА ИА РАН. Р-1. №6268.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунто-вый могильник). Уфа, 2004.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Худяков М.Г. «Эполетообразные» застёжки Прикамья // Сборник аспирантов ГАИМК. Вып. 1. Л., 1929.

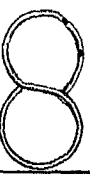
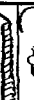
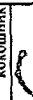
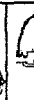
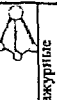
II-I вв. до н.э.							нож	сосуд	
   	+	+			+		+	+	п. 28
	+	+	+	+	+	+	+		п. 31
	+				+				п. 66

Рис. 1. Таблица совстречаемости инвентаря в Икском могильнике (по: Ашихмина, Ключева, 1984; Арматынская, 1988).

																										
Афон, 121	+																									I-II вв. н.э.
Н2 125		+			+														+	+						
Сас, 81		+	+	+																						
Сас, 214		+	+	+					+										+		+					
Тыр, 661		+						+													+					
Афон, 131																									I - II вв. н.э.	
Чег, 62			+		+																					
Чег, 142	+		+			+	+				+								+						I в. н.э.	
Сас, 100															+										к. I до н.э. - III в. н.э.	
Сас, 130				+						+															I в. до н.э. - II в. н.э.	
Сас, 165		+									+															
Сас, 228		+					+	+							+										I в. до н.э. - III в. н.э.	
Сас, 83		+																								
Афон, 153			+								+								+	+						
Н2 73	+	+						+																	I в. до н.э. - II в. н.э. (	
Н2 110							+									+	+			+		+			I-III вв. н.э.	

																																			
Тар, 11						+													+																/21 - Н. III вв. н.э.
Тар, 97						+																													
Тар, 676							+						+																						
Тар, 1166	+																																		
Тар, 1492	+												+																						
Ст.Ч. 42								+												+						+									
Сас, 146		+																																	
Куш3, 10				+																							+								
Куш3, 329				+																															
Сас, 81		+		+																															
К/г 72	+			+																							+								
Юлд, 17	+			+																														/21 - III вв. н.э.	
Тар, 608																													+						
Тар, 1115					+												+																		
Н2, 107	+															+			+																І в. до н.э. - II в. н.э.
Ст.Ч. 19	+	+										+															+							І в. до н.э. - І в. н.э.	
Ст.Ч. 31													+																						
Куш3, 132				+																															
Куш3, 225				+	+																														
Чег, 28	+					+																													І-ІІ вв. н.э.
Чег, 73	+																										+								
Куш2, 10				+	+												+																		І в. до н.э. - І в. н.э.
Тар, 1100	+																	+	+			+	+				+	+	+						

						ажурные накладки													к. I в. до н.э. - III в. н.э.
К/т 18			+	+					+										
К/т 75				+															
К/т 10																			
К/т 11			+	+															
К/т 72			+	+			+												
Куш3 41			+		+														
Куш3 67			+			+		+											
Куш3 39			+					+							+				
Куш3 180			+		+			+						+		+			
Сас, 195																			
Чег, 89		+			+								+						
Тар, 1049			+							+	+		+						
Тар, 1099	+					+											+		
Тар, 1243	+		+																
Тар, 1289	+																+	+	
Тар, 1435			+																
Юлд, 89			+			+													
Юлд, 6			+		+														
Юлд, 64																			
К/т 4			+																

Рис. 4. Таблица совстречаемости инвентаря погребений с бусами (по: Агеев, Мажитов, 1985; 1986; Васюткин, Калинин, 1986; Генинг, 1971; Голдина, 2003; Мажитов, Пшеничнюк, 1969; Пшеничнюк, 1986).

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

